

3. «Бунтовщики» и «патриоты»: размежевание заключенных в годы войны

С началом войны у заключенных, особенно у осужденных за контрреволюционные преступления, появилась вполне понятная боязнь, что неудачи первого периода войны и быстрое наступление немцев могут спровоцировать власть на акции массового уничтожения в местах заключения, оказавшихся в непосредственной близости от районов боевых действий. В лагерях широко распространялись слухи об уже имевших место массовых акциях, о некоем секретном приказе НКВД - уничтожать заключенных в случае приближения немцев. Слухи были основаны как на подлинных фактах расстрелов заключенных (и политических, и уголовных) так и на долетавших до зеків разговорах охранников о секретных совещаниях оперативного состава того или иного лагеря, на которых якобы зачитывался какой-то секретный приказ НКВД о превентивных расстрелах.

Слухи об угрозе, поверить в которую заставлял весь предыдущий тюремно-лагерный опыт зеків, составили один из ключевых компонентов новой социально-психологической реальности, коллективной мобилизации и самоорганизации. Наиболее активная часть лагерного населения, по крайней мере, там, где начинавшийся голод еще не привел заключенных к истощению и апатии, пыталась заранее побеспокоиться о спасении своей жизни и подготовиться к худшему варианту развития событий. Есть многочисленные свидетельства того,

что лагерная администрация, не дожидаясь обострения обстановки, а точнее говоря, готовясь к такому обострению, начала нанесение упреждающих ударов по потенциальным очагам сопротивления. В ряде случаев мы имеем дело с очевидной (впоследствии официально опровергнутой) фабрикацией «заговорщических» дел. Сказанное относится, в частности, к так называемому немецкому повстанчеству 1941-1942 гг. Но некоторые другие уголовные дела отражают все-таки реальные настроения в лагерях, готовность сопротивляться, пока голод и болезни еще не лишили заключенных сил.

В начале декабря 1941 г. Оперативный отдел ГУЛАГ отметил «усиление вражеской работы контрреволюционных элементов в лагерях». В ориентировке начальникам оперативно-чекистских отделов ИТЛ и колоний была приведена сводка сведений о раскрытых в лагерях повстанческих организациях. Список включал 12 лагерей, 24 подпольные группы и организации. Количественный состав раскрытых групп колебался от 15 до 50 человек. В большинстве своем подпольщики компактно объединялись по политическому и национальному признаку: «бывшие участники контрреволюционных организаций», «осужденные за антисоветскую деятельность», «бывшие командиры РККА», «немцы, осужденные за контрреволюционные преступления», «заключенные, доставленные из прибалтийских республик». Главными целями подпольщиков Оперативный отдел ГУЛАГ называл «организованное выступление заключенных, разоружение стрелков военизированной охраны и групповые вооруженные побеги». В зависимости от географического положения повстанческие группы готовились приурочить выступление «к моменту захвата немцами г. Москвы» либо «к нападению Японии на Советский Союз». Иногда заговорщиков групп обвиняли в подготовке штурмовых групп, намерении оказать помощь немецким десантам и т.п.

Бесспорно, что в ряде случаев мы имеем дело с очевидной фабрикацией оперативниками «заговорщических» дел, а приписывание лагерным заговорщикам политически ясных целей (поднять лагерь навстречу немцам или японцам и т.д.), скорее всего, следует расценивать как плод грубой «следственной работы», превращавшей

подготовку группового вооруженного побега, имевшего очевидные цели, в организацию вооруженного восстания под надуманными и невнятными политическими лозунгами. Однако находки последнего времени, в частности, опубликованные в статье И.Осиповой архивные материалы о так называемом «ретюнинском восстании» начала 1942 г. (к сожалению, автор не указала места хранения документов)¹, заставляют с бóльшим доверием отнестись к сообщениям лагерных чекистов о повстанческих группах, раскрытых после начала войны.

Если судить по документам Гулага, рост повстанческих настроений в лагерях коррелирован с обстановкой на фронте. Первая вспышка таких настроений была осенью-зимой 1941 г., вторая – приходится на летнее немецкое наступление 1942 г. Летом 1943 г. Оперативный отдел ГУЛАГ вновь сообщал о целой серии раскрытых в лагерях «контрреволюционных групп и организаций, состоявших из бывших военнослужащих, осужденных в период Отечественной войны»¹. По мере успехов Красной армии на советско-германском фронте и приближения конца войны «повстанческие настроения» в лагерях пошли на убыль.

Оценивая в целом ситуацию в лагерях в годы войны, тенденцию к организации массовых вооруженных побегов, подобных ретюнинскому, следует сказать, что она (эта опасность) была чекистами отчасти блокирована, отчасти преувеличена. Повстанческие настроения отдельных групп политических заключенных в лагерях не имели сколько-нибудь широкой поддержки и шансов на успех. Это объяснялось не только голодом и дистрофией во многих лагерях, что просто не оставляло физических и моральных сил для сопротивления, но и тем, что «положительный контингент» (а среди этого контингента оказывались и осужденные по малозначительной контрреволюционной статье – 58¹⁰, то есть «за разговоры», «ни за что» или, как некоторые из них полагали, «по ошибке») был в массе своей настроен патриотически. Документы 1941-1945 гг. в целом подтверждают мысль А.И.Солженицына о сложной моральной коллизии, с которой

¹ Осипова И. Отряд особого назначения № 41.

столкнулись многие заключенные: бороться теперь с режимом – значит помогать немцам? Война отнимала даже у политических узников способность к протесту, а гулаговский социум оказался все-таки мало восприимчив к идее сотрудничества с немецкими захватчиками. Значимым «умиротворяющим» фактором было появление у «обычных заключенных» легальных шансов на восстановление своего гражданского статуса. Перспективу освобождения открывала либо «безвредность» и «ненужность» для Гулага (от неработоспособных заключенные, причем не только с малыми сроками заключения, старались поскорее избавиться²), либо мобилизация в Красную армию. По неполным данным, ИТЛ и колонии НКВД досрочно освободили и передали через военкоматы в армию около 1 млн. человек³.

Низкий повстанческий потенциал «единого Гулага», в котором в годы войны было перемешано самое разношерстное население, в принципе не способное на массовые и солидарные действия, был лишь одной стороной процесса, позволяющего некоторым адептам сталинской системы говорить об особом вкладе Гулага в Победу. Другой стороной этого же процесса (работа на Победу) были глубинные изменения в гулаговском социуме, подготовлявшие будущий кризис и разложение всей системы лагерного хозяйства и образа жизни. По мере увеличения производственной нагрузки на всю систему лагерей и колоний, а именно в годы войны Гулаг окончательно оформился как производственный наркомат, ответственный за решение важнейших народнохозяйственных задач, жесткие требования режима все больше отступали перед соображениями производственной необходимости.

По оценке начальника Гулага В.Г.Наседкина, именно «обстоятельствами, вызванными военной обстановкой в стране», было нарушено требование раздельного содержания заключенных, осужденных на срок до 3-х и свыше 3 лет лишения свободы». Первые должны были отбывать наказание в колониях, вторые – в лагерях. В действительности в исправительно-трудовых колониях содержалось

1 ГА РФ. Ф.Р-9414. Оп.8. Д.2. Л.76

2 См.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.2412. Л.90

3 ГА РФ. Ф.Р-7523. Оп.64. Д.687.Л.2-6; ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.9. Д.144. Л.159, 164

«свыше 500 тыс. заключенных, осужденных на сроки свыше 3-х лет, в том числе и за такие преступления, как измена Родине, контрреволюционные и особо опасные», а в исправительно-трудовых лагерях оказалось около 50 тысяч осужденных на сроки менее 3-х лет¹. Для нашей темы важно зафиксировать сам факт беспрецедентного «перемешивания» различных категорий заключенных в лагерях «по производственной необходимости», так же как и многочисленные нарушения в режиме содержания. Уже в феврале 1942 г. в Гулаге практиковалось массовое расконвоирование осужденных за контрреволюционные преступления². Бремя повышенной ответственности за выполнение производственных заданий продолжало толкать гулаговскую бюрократию к прагматическим решениям. Эти решения усиливали возможность эксплуатации труда заключенных, но при определенных и, надо сказать, выгодных для обеих сторон условиях ослабляли гнет «режима содержания». На совещании руководящих работников НКВД СССР у заместителя наркома внутренних дел С.Н.Круглова (10 сентября 1943 г.) прозвучало даже предложение начальника Гулага Наседкина «поставить дело таким образом, чтобы заключенные переводились на положение вольнонаемных до конца отбытия срока наказания, т.е. составить из них вроде трудовых батальонов, чтобы они вторую половину наказания отбывали на положении вольнонаемных людей, т.е. предоставить неограниченную переписку, свидания с родными, получение посылок и т.д.»³.

Однако окончательно решить свои производственные проблемы за счет нарушений режима содержания заключенных гулаговское начальство было не в силах. Очевидное и резкое ухудшение продовольственного и вещевого снабжения лагерей в годы войны, обострявшее для заключенных проблему физического выживания, а в ряде случаев – приводившее к массовой смертности, само по себе снижало стимулирующую роль поблажек. Кроме этого Гулаг постоянно терял свой «положительный контингент», уходивший в Красную армию.

1 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.2437. Л.411-413

2 ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.9. Д.48. Л.9-12

3 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.2412. Л.90

На смену «положительному» лагеря получали контингент вполне отрицательный, во всяком случае, по гулаговским меркам.